

Ловко надев повязку, Харухи гордо выпятила грудь и объявила:

— С настоящего момента на неделю я временно снимаю с себя обязанности бригадирши. У нас тут литературный кружок, так что мне полагается другая должность!

Сверкающая и сияющая новая повязка говорила сама за себя.

Так Харухи самовольно избрала себя в главные редакторы, и не обращая внимания на наше с Асахиной-сан замешательство, поддавала жару:

— Ну же, ребята! Работаем проворней! Нечего рассусоливать, сочиняем, сочиняем! И поинтересней пишем!..

Закинув ноги на командирский стол, Харухи взидала на несчастных членов бригады покровительным взглядом:

— Разумеется, рассказы должны непременно понравиться мне.

Таким образом...

В течение недели с этого дня нам, обитателям комнаты литературного кружка, совершенно неожиданно для себя пришлось заниматься нормальным для него трудом.

Героические усилия прилагала Асахина-сан. Конечно, сказочная тематика была вполне в её духе, но если бы всякий мог начать писать сказки, как только ему сказали «пиши», то у нас в два счёта все бы стали детскими писателями.

И тем не менее, Асахина-сан не отступалась. Она завалила стол взятыми из библиотечной комнаты книгами, и читала их с сосредоточенным видом, время от времени наклеивая стикеры и усердно возюкая карандашом.

С другой стороны, Харухи тоже приступила к своей основной работе, притащив из кружка исследования манги образцы додзинси, и с ухмылкой разглядывая их, а также сёрфя интернет на стационарном компьютере за бригадирским столом.

Асахина-сан один за другим подавала черновики, а Харухи один за другим их отвергала.

— Хм-м, — глубокомысленно промышчала Харухи, дочитав бог знает какой по счёту поданный измученной Асахиной-сан черновик, — Вроде неплохо стало получаться, но всё-таки впечатления нисколько не производит. О, точно, Микуру-тян, попробуй делать иллюстрации. Сделаем в духе книжки с картинками. Разом и симпатичней станет, и появится пикантность, которую текстом не передать.

— Картинки?..

Ещё более непомерная просьба практически вогнала Асахину-сан в слёзы. Но взять назад однажды сказанное — для редактора Харухи дело неслыханное, так что на этот раз Асахине-сан оставалось только сдаться и скрипеть карандашом, рисуя картинки.

И снова прилежная Асахина-сан помчалась в кружок рисования выслушивать лекцию о набросках и зарисовках, и заскочила даже в кружок манги, изучить технику составления ёнком — проявляя такое упорство, что впору было сказать «ну уж до такой-то степени стараться ни к чему!» Естественно, что времени готовить чай у неё не оставалось, и я пока

проводил время впустую, молча глотая либо свой, либо лишённый вкуса и аромата зелёный чай Коидзуми.

Ладно что-нибудь другое, но как я должен писать романтический рассказ?! Нет бы, например, дневник наблюдений за кошкой — тут у меня материалов сколько угодно.

Охотно брался за перо один Коидзуми, и даже Нагато только время от времени касалась клавиш. На игровом турнире она печатала с фантастической скоростью, но похоже, переводить информацию из мыслей в слова — не её конёк. Мне подумалось, что одна из причин этому была в её молчаливости, однако «мистические ужасы» авторства Нагато всё-таки притягивали интерес, и я украдкой взглянул на дисплей.

—

Нагато тут же повернула ноутбук в сторону, спрятав дисплей от моего взора, и бесстрастно подняла на меня лицо.

Да ладно тебе, дай посмотреть немножко.

— Нельзя, — коротко сказала Нагато, и всякий раз, как я пытался посмотреть на экран, с безупречной синхронностью ловко меняла угол поворота ноутбука. Сколько я ни пробовал — всё бестолку. Не в силах совладать с любопытством, я несколько раз прыгал то влево, то вправо у Нагато за спиной, но превзойти Нагато в скорости реакции не смог, и вскоре:

—

Попавшись прямо под безмолвный взгляд Нагато, был ею немедленно отогнан прочь. Возвратившись на своё место, я вновь занялся изучением белого окна текстового редактора, в котором ещё не было напечатано ни одной буквы...

В таком примерно духе в клубной комнате прошли ещё несколько дней.

Поскольку повествование зашло в некоторый тупик, даже рискуя показаться поспешными, представим здесь заранее, сменив заодно и темп изложения, иллюстрированную сказку Асахины-сан.

Творение получавшей от редактора-Харухи отказ за отказом, отряженной добавлять картинки, тонущей в проблемах Асахины-сан, с учётом советов, которые, не в силах оставить без внимания такие страдания над выбором слов, дал я, и после правок, сделанных рукой самой редакторши, было, наконец, закончено.

Выслушаем же сначала саму эту историю.

□

Во времена не очень стародавние, но всё-таки уже довольно давно...

В одном небольшом государстве, глубоко в тёмном лесу, стояла хижина.

Там жила Белоснежка с семью гномами.

Из замка Белоснежку никто не выгонял, она сама сбежала и поселилась здесь. Жизнь в замке, видимо, была ей не по душе. Хотя государство и невелико, но она принцесса, и каждый божий день её пытались выдать замуж ради политической выгоды. Ну как так можно! Вот и

Белоснежка была против.

Но и в лесу ей понемногу жить наскучило.

Конечно, благодаря гномам у неё не возникало проблем с предметами первой необходимости, и лесные зверушки давно стали ей друзьями, но всё-таки замок — это замок. Пожалуй, там жилось получше...

Она раскапризничалась и сбежала, а ведь все в замке были такими хорошими людьми. Конечно, пытались женить, но тут уж ничего не поделаешь. В эпоху постоянных войн за независимость маленькой стране, чтобы выстоять, приходится высылать к сильным игрокам заложниц, чтобы заручиться их поддержкой.

□

В это время живущие в море по соседству с лесом русалки спасли выброшенного после кораблекрушения принца.

Русалки вытащили его на берег, но принц лежал без сознания. Что бы они ни делали, он не просыпался. В отчаянии русалки решили отнести его к Белоснежке.

С Белоснежкой русалки состояли в дружественных связях с тех пор, как она появилась в лесу. Русалки вспомнили, что Белоснежка просила: «Приносите мне всё, что найдёте интересного».

Договорившись с доброй ведьмой и поменяв хвосты на ноги, русалки притащили спящего принца в хижину гномов.

Но Белоснежка не слишком обрадовалась, увидев принца. Он был не тем, что ей казалось интересным. Что интересного смотреть на принца, дрыхнувшего круглые сутки?..

Впрочем, ухаживать за спящим первое время было необычно, но понемногу Белоснежке это всё-таки надоело. Ведь он даже глаз не открывал. А разглядывать его сонное лицо было скучно.

Когда она уже стала подумывать, не разбудит ли принца хорошая затрещина, из замка прибыл гонец.

Этот гонец сообщил, что сопредельная империя внезапно мобилизовала все свои войска, перешла границу и взяла замок в осаду, так что в скором времени замку придётся капитулировать — если этого уже не случилось.

Беда!

□

Услыхав такое, Белоснежка поручила русалкам принца, который всё не желал просыпаться, и с семью гномами отправилась в путь. Вначале они двинулись к неприступным горам. Там в одиночестве жил стратег-отшельник. Вообще-то, с ним нельзя подружиться, пока не посетишь его трижды, но Белоснежка приказала семерым гномам изловить стратега и назначила его начальником Генерального штаба Вооружённых Сил. Кисло улыбнувшись, стратег сдался — «Ну что ж поделать...» — и дал обет служения Белоснежке.

Итак, разросшийся уже до девяти человек отряд Белоснежки, спустившись с горы, обошёл свободные от имперских сил деревни, призывая солдат в армию. Собрать удалось очень мало,

совсем недостаточно для победы над императором, но Белоснежка с транспарантом «Долой империю!» взяла курс на замок. Громя один за другим высланные на перехват имперские отряды, одерживая победу за победой, и, наконец, отвоевав замок, она выслала войска в погоню за отступающим императором, разбила его армию, вторглась на имперскую территорию и в два счёта её захватила, сделав доминионом своего государства. Вот это да!

Но и это не всё. Сформировав большую армию, Белоснежка, стратег и семь гномов обошли весь континент, уговорами и хитростью его объединяя. Кончилась эпоха войн, наступило мирное время спокойствия и процветания!

□

Дел у Белоснежки никаких не осталось, и передав страну на попечение стратега, она вернулась в лес. Бояться замужества больше было нечего, но и проводить время в замке стало скучно. Уж лучше отдыхать в своё удовольствие в лесу!

Придя с семьёй гномами в хижину, Белоснежка с изумлением обнаружила, что принц всё ещё спит. Она-то совершенно о нём забыла!

Ах да, ведь всё это время за ним ухаживали русалки.

Белоснежка взяла принесённое медведем из леса в подарок яблоко, и с размаху ударила им принца по голове:

— Долго ты ещё спать собираешься?! Подъём!

Где-то спустя три дня принц проснулся и открыл глаза.

Что было с героями этой истории дальше — пока никто не знает.

Но наверное, жили они долго и счастливо. Хотелось бы верить...

...Да-а. Что тут сказать, история вполне в духе Асахины — от сказочного антуража остались рожки да ножки, зато обильно используется армейская терминология. Ну, во всяком случае, тревоги и волнения переданы как настоящие, и одного этого уже более, чем достаточно. Где приложила свою руку Харухи — оставляю догадываться вам самим.

Ладно, забудем про тревоги Асахины-сан, главная забота сейчас — что я ещё не прикасался к доставшемуся мне заданию. Для начала, и вообще требовать от меня написать рассказ — это просить невозможного, а уж на романтическую тему — это за пределами невозможного, в мире несбыточных мечтаний. Как мне теперь быть?

В свою очередь, Харухи на удивление серьёзно взялась за деятельность редактора.

Заклучив, что наших четырёх рассказов будет слишком мало по объёму для сборника, да и разнообразия нехватает, Харухи отправилась, наконец, на поиски посторонних авторов.

Первыми жертвами пали Танигути и Куникида, а затем и Цуруя-сан с председателем компьютерного кружка оказались обременены установленными Харухи сроками.

По мнению Харухи, все эти люди были уже практически участниками Бригады, но вообще-то к литературному кружку они отношения не имели.

Однако сочувствовать им времени у меня не было, и напротив, тем лучше, что с наших плеч

упала часть груза по написанию рассказов. Впрочем, боюсь, литературное дезертирство Харухи мне всё равно не простит.

День за днём, приближался назначенный вредным председателем срок, и вот однажды я дожидался утром классного часа, прислушиваясь к недовольному ворчанию Танигути — «И почему я должен писать эссе про прелести заурядной жизни!» — и беспечному голосу Куникиды — «Ладно тебе, это всё же лучше, чем мои двенадцать колонок об альтернативной пользе школьных предметов».

Явившись ещё позже меня, и даже не поздоровавшись, Харухи сунула мне лист бумаги А4.

— Ты чего?

— Это черновик, который вчера перед уходом сдала Юки.

Харухи сделала такое лицо, будто проглотила извлечённые из зубов кусочки еды вместе с зубной пастой:

— Дома я её рассказ внимательно прочла, но какой-то он странный. Вроде и мистика, и можно сказать, ужасы, а вынести вердикт не могу. Да и текста от силы на миниатюру. Почитай сам, глянь.

Могла бы и не говорить, рассказы авторства Нагато я всегда прочту с удовольствием.

Я взял у Харухи лист и пробежал глазами по напечатанным строчкам.

«Без названия 1». Нагато Юки.

С девушкой, которая называла себя призраком, я познакомилась N mmmmm назад.

Когда я спросила, как её зовут, она ответила — «Имени нет». «А поскольку у меня нет имени, я призрак. Ты тоже, мы с тобой два призрака», — она рассмеялась.

Она была права. Я тоже была призраком. Если есть на свете существо, которое может общаться с призраками, то оно само должно быть призраком. Как я сейчас.

— Ну так пойдём?

Она позвала, и я последовала за ней. Она ступала тихо, точь-в-точь как если бы ещё была жива. В ответ на мой вопрос, куда мы идём, она остановилась и обернулась:

— Никуда мы не можем идти. А куда бы ты хотела отправиться?

Я на секунду задумалась. Куда я собиралась идти? Где я была сейчас? Зачем я здесь находилась?

Стоя на месте, я не знала, что делать, и глядела в её тёмные зрачки.

— Наверное, тебе хочется пойти к nnnnnnnn?

Ответ исходил от неё. Услышав эти слова, я, наконец, поняла свою роль. Она права. Туда я и собиралась идти. Как я могла забыть? Забыть такую важную деталь, смысл своего существования.

Забыть то, что мне никак нельзя было забывать.

— Ну, теперь ты справишься, — она счастливо улыбнулась. Я кивнула и произнесла слова благодарности.

— Прощай.

Она исчезла, а я осталась. Наверное, она вернулась к себе. Так же, как я вернусь туда, куда мне надо вернуться.

Белые хлопья посыпались с неба. Маленькие несчётные хрупкие хрусталики льда. Касаясь земли, они исчезали.

Одно из бесчисленных чудес, переполняющих пространство и время. Чудеса в этом мире обыкновенная вещь. Я не двигалась с места. Течение времени потеряло свой смысл.

А маленькие слипающиеся, как вата, волшебные хлопья всё падали и падали с неба.

Пусть они будут мне именем.

Подумав так, я перестала быть призраком.

— Хм?

Дочитав до этого места, я поднял лицо.

Кабинет вокруг понемногу наполнялся учениками — обычное зрелище до начала классного часа. В любое другое утро и Харухи сидела бы за партой позади меня, либо глядя в окно, либо тыкая меня механическим карандашом в спину, но в этот раз она, вытянув голову, заглядывала мне под руку, и с беспокойным, а также задумчивым видом, бегала взглядом по листу А4 в моих руках.

Да и на моём лице выражение наверняка мало чем отличалось от Харухино.

Никакого иного написанный текст вызвать не мог. Читать такое с утра пораньше — скажем так, несколько невразумительно.

Верно, на вытянутом Нагато лоте стояло «мистические ужасы».

Поднятый от рассказа Нагато взгляд я перевёл на Харухи, посмотрев на неё в профиль:

— Эй, Харухи. Я плохо разбираюсь и в мистике, и в ужасах... неужели в последнее время мистическими ужасами называют такое?

— Я вот тоже не знаю.

Харухи подпёрла рукой подбородок, и наклонила голову, точно всамделишный редактор перед писателем, чьей работе он затрудняется вынести оценку.

— Мистические-то они мистические, но вот ужасов совсем не видно. Впрочем, да. Наверное, для Юки это в самый раз. Может, Юки и правда такое в страшных снах снится?..

Если уж у Нагато что-то вызывает страх, то для меня это будет самым настоящим безжалостным и чудовищным кошмаром. Поэтому лучше бы ни с чем таким не встречаться.

Даже в рассказах.

— Между прочим, — я посмотрел в озадаченное лицо с новой мыслью, — Ты что, задала Нагато сочинять мистические ужасы, даже не зная, что это значит? Хотя немного думай, прежде, чем жанры выбирать!

— Думала я! Хотя немного.

Харухи забрала у меня из рук один из листов с текстом.

— Обычные ужасы — было бы слишком неинтересно, так что я сделала «мистические». Прежде, чем писать на лотах, я всё хорошенько взвесила. Детектив, сказка, романтика — остаются только ужасы!

Фантастику ты пропустила. И вообще, обдумывала всё не больше тридцати секунд. Небось, как только очередной жанр вспоминала, сразу записывала.

Харухи чуть улыбнулась:

— Я просто старалась по мере возможности придумать неподходящие темы, чтоб вышло необычно. В научной фантастике Юки разбирается, это было бы скучно.

Я непроизвольно вздрогнул, и холодная рука сжала моё сердце. Не знаю, считать это фантастикой или нет, но Нагато легко могла бы написать что-нибудь про космос и вселенную. Поскольку она пришелец. На секунду я подумал, что Харухи об этом догадалась, но в коллекции Нагато действительно огромное количество научной фантастики, чего не могла не заметить Харухи, так что неудивительно, что она угадала её сильную сторону.

Но погодите. Тогда и с детективом должно быть то же самое.

— Угу, я надеялась, что детектив достанется тебе или Микуру-тян. Интересно было, какую вы околесицу понапишете. А в фантастике-то любая околесица выглядит как задуманное... Поэтому, скрепя сердце, я её выкинула.

— Это предубеждение, — хотелось в ответ заявить мне, но что толку теперь придирается к содержанию лотов и результатам лотереи — время назад не отбросить. Распоряжения сочинять «романтический рассказ», превратившегося в мой, как подчинённого, долг, уже не отменить, и между прочим, детектива, сказки и мистических ужасов мне тоже не написать, хотя романтический рассказ, конечно, всё равно хуже. Правда, в фантастике я бы ещё смог, пожалуй, как-то воспользоваться опытом. Впрочем, не думаю, что стал бы пересказывать мои наблюдения редактору-Харухи без купюр.

Покачав рассказом Нагато в жанре «мистический ужас», Харухи продолжила:

— Хотя может и хорошо, что детектив достался Коидзуми. Если в альманахе не будет хоть одного малюсенького нормального рассказа, он не будет похож на альманах. Будем все подряд оригинальничать — только отпугнём читателей.

Надеюсь, она не собирается превращать альманах литературного кружка в регулярно выходящее издание? Это же не более, чем чрезвычайная мера, чтобы разрушить заговоры председателя школьного совета. Наверное, стоит кое-кому кое-что напомнить. «Бригада SOS» не включает в себя литературный кружок, она на нём паразитирует!

— Да знаю я, знаю всё. Уж во всяком случае, не могу придумать, что бы ты мог мне нового сообщить в пределах и за пределами территории школы! Потому, что бригадирша тут я, а ты — первый член бригады!

Она стрельнула в меня взглядом:

— Ладно, неважно. Там рассказ Юки дальше продолжается. Вторую страницу тоже прочти.

Я опустил глаза на оставшиеся у меня в руках листочки и начал читать предложения, напечатанные шрифтом Mincho, настолько аккуратным, что можно было поверить, будто Нагато писала от руки.

«Без названия 2». Нагато Юки.

До той поры я не была одна. Меня было множество. В объединении всего тоже была я.

Мои товарищи, бывшие со мной едины, как лёд, теперь растеклись, словно вода, и наконец разлетелись, словно пар.

Капелькой этого пара была и я.

Я могла лететь куда угодно. Где только я не была и чего не видела! Но увиденное не учило меня. Единственной позволенной мне функцией было наблюдать.

Долгие годы я так и поступала. Время не имело значения. В ненастоящем мире все явления бессмысленны.

Но всё-таки, мне удалось найти смысл. Свидетельство моего существования.

Материя стремится к материи. Это правильно. То, что я оказалась притянута — воплощение того же принципа.

Свет, тьма, противоречия и рассудок. Я встречала и наблюдала всё. Пусть мне такие функции недоступны, но возможно, это тоже было неплохо.

Если бы мне вдруг разрешили, я бы, наверное, так и поступила.

Подарила бы ждущей себе чудо.

Самое маленькое.

На этом второй лист заканчивался.

— Ххххммммм.....

Наклонив голову, я в очередной раз перечитал текст. Об ужасах и говорить нечего, но и мистическими ужасами, и даже вообще рассказом, по-моему, это назвать было нельзя. Скорее какой-то фантазией, или, возможно, впечатлениями от чего-то. А может даже она просто записывала все приходящие в голову фразы.

Рассказ Нагато...

Пока я читал, мои мысли были о другом. О том, чего, похоже, мне не забыть — о декабре прошлого года. И о Нагато с другим характером. Неужели Нагато, ходившая в то время в

литературный кружок, писала рассказы? За старым компьютером, одна в большой пустой комнате...

Не знаю, как Харуки поняла моё молчание и задумчивость на лице, но она забрала второй лист у меня из рук:

— И последний, третий. Чем дальше читаешь, тем меньше понимаешь. Обязательно скажи, что ты об этом думаешь.

«Без названия 3». Нагато Юки.

В той комнате был чёрный гроб. Больше ничего.

На гробе, стоявшем точно посреди тёмной комнаты, сидел юноша.

— Добрый день, — сказал он мне. Улыбнулся.

Добрый день, ответила я. Не знаю, с каким выражением.

Я стояла на месте. Из-за спины юноши соскользнуло на пол белое полотно. В темноте оно казалось залитым бледным светом.

— Опаздываешь, — сказала белое полотно. Оно оказалось человеком, который прятался в большом белом куске ткани. В просвет мне удалось увидеть круглые чёрные зрачки.

Похоже, внутри была женщина. Судя по голосу.

Юноша тихонько засмеялся:

— Доклад ещё не начался.

Он не вставал с крышки гроба.

— Время ещё есть.

Доклад.

Я постаралась вспомнить. О чём я должна здесь докладывать? Нервничаю. Не вспоминается.

— Время есть, — сказал юноша. Улыбнулся мне. Белый призрак девушки увлечённо танцевал.

— Подождём. Пока ты не вспомнишь, — сказала девушка. Я посмотрела на чёрный гроб.

Только одну свою цель я помнила.

Прежде я была внутри гроба.

Покинув его, я вернулась, чтобы лечь в него обратно. Но на гробе сидел юноша. Пока он не встанет, я туда попасть не смогу.

Но докладывать мне было не о чем. Для участия в докладе я была не подготовлена.

Юноша начал тихонько напевать. Так, чтобы попадать в такт с танцем белого полотна.

Пока он не встанет, я туда попасть не смогу.

— ...Нда-а. Ну и дела, — положив третий лист на стол, посочувствовал я Харухи.

Да уж, умеет Нагато написать бессмыслицу. Мало того, что тему «мистические ужасы» она, по-моему, проигнорировала, её рассказ вообще можно назвать не рассказом, а скорее поэмой.

— Но и на обычную поэму это не похоже...

Сложив вместе три листа, Харухи запихнула их в свой портфель:

— Знаешь, Кён... Я вот думаю, вряд ли Юки стала бы писать что попало. Наверное, всё это как-то отражает её внутренний мир. Призраки эти, гробы. Как думаешь, что это за метафоры?

— Откуда мне, по-твоему, знать?

Я так ответил, но на самом деле мне казалось, что главное при прочтении я кое-как сумел уловить. Что героиня этого рассказа — Нагато, и спорить, по-моему, нечего. Остальные персонажи — «девушка в полотне», «юноша» и «призрак девушки», но призрак — это, как будто бы, и есть полотно, и опять же, всё это догадки, но по-моему, юноша смахивает на Коидзуми, а девушка на Асахину-сан. Возможно, Нагато просто копировала героев с ближайших людей. Мы с Харухи в рассказе, конечно, не появляемся, но я и не настолько самовлюблён, чтобы гореть желанием увидеть себя на сцене.

— Может оно и нормально... — сказал я, посмотрев за окно и оглядывая безлюдный теннисный корт, — В конце концов, Нагато написала о том, о чём захотела. Гадать, что автор хотел сказать рассказом — только голову ломать. Такие вопросы кроме экзаменов нигде не задают.

— Наверное.

Харухи тоже глянула в окно. Изучала облака она таким взглядом, что стоило побеспокоиться, как бы из тех вопреки сезону снег не пошёл, но когда повернулась ко мне, улыбка её была как весенние цветы:

— Тогда рассказ Юки я принимаю. Как и что в нём переделывать — всё равно непонятно. У Коидзуми-куна сочинение продвигается хорошо, да и Микуру-тян со своей иллюстрированной сказкой задачи выполнила.

Улыбка бригадири превратилась в улыбку главного редактора.

— А ты? У тебя что? Ты же мне пролога ещё не сдал, когда планируешь заканчивать?

Видимо, зря я надеялся, что она об этом забыла.

— Хочу предупредить, — зловеще улыбнулась Харухи, — рассказ должен быть написан как следует. И, разумеется, только романтика, иначе — переделывать, переделывать. Не ужасы, не сказку и не детектив. Выкрутиться какой-нибудь хитростью я тебе не дам.

Ища спасения, я оглядел комнату.

Правду сказать, я ещё не написал ни строчки. Ничего удивительного. С каким лицом я должен сочинять романтический рассказ? Эта задача вызывала в моём организме защитную реакцию похлеще реакции на вирус гриппа, и я хотел призвать на помощь так же, как и я, не написавших ни строчки, товарищей Танигути и Куникиду, но давно уже за нами наблюдавшие и о чём-то между собой шептавшиеся два моих друга одновременно отвели взгляды. И в этот

момент, когда они готовы были перекреститься, решив, что дружеские войска пали жертвами Харухи, прозвенел, наконец, звонок на урок.

Так что, хотя избегнув тяжёлой участи временно, мне и не удалось в итоге оставить её позади навсегда, во всяком случае, я выгадал себе несколько десятков минут.

Однако «романтический рассказ»...

Притворяясь, что внимательно слушаю учителя на первом уроке, я погрузился в размышления глубже, чем корабль, идущий ко дну в Бездну Челленджер[11].

Итак, о чём же писать?

После школы, точно скрываясь от Харухи с её требованиями сдать черновик, я явился в клубную комнату:

— Почему бы не исходить из жизненного опыта? — безостановочно стуча пальцами по клавиатуре нотбука, предложил Коидзуми, — Проще говоря, найди себе романтическое увлечение. Тогда достаточно будет записывать всё, как есть, а в конце объявить это выдумкой, вот и всё. Рекомендую писать от первого лица. В таком случае можно вообще просто переносить на бумагу свои будничные мысли.

— Издеваешься? — лениво спросил я и вернулся к разглядыванию отображавшейся на экране ноутбука заставки.

Клубная комната временно стала для меня тихой гаванью. Почему — потому, что Харухи не было на месте.

Горя желанием биться со школсоветом не на жизнь, а на смерть и являя миру такую дьявольскую смекалку, что на её повязке после «Главный редактор» впору было приписать «из ада», сегодня Харухи снова носилась туда-сюда по школе.

Первоначальными её целями были наши ближайшие одноклассники, Танигути и Куникида. Предусмотрительно перехватив пытавшегося сбежать сразу же по окончании классного часа Танигути, и устроив сцену («Я пошёл» — «Никуда ты не пошёл!»), а заодно прижав к ногтю и не пытавшегося убежать, а просто наблюдавшего за этой сценой Куникиду, и силой рассадив всех по местам, Харухи вручила им стопку отрывных листочков и объявила:

— Пока не допишете, никто никуда не уйдёт!

Выражение на её лице было на редкость радостным, кто знает, видимо, потому, что она нашла себе ещё одно доставляющее людям неприятности хобби.

Танигути продолжал ворчливо выражать неудовольствие, а Куникида, мягко покачав головой, взялся за карандаш. Задание его не слишком обескуражило, тогда как Танигути был серьёзно возмущён, точно до него и вправду вдруг дошло, что связавшись с Харухи и всеми её тревоблениями, он рисковал опоздать на идущий в райскую землю автобус. Понимаю тебя, Танигути. Если б я мог по первому требованию Харухи написать ей «эссе про заурядную жизнь», которое бы её устроило, я и сам не планировал бы побега.

— Что за «эссе про прелести заурядной жизни», — жаловался Танигути, — Кён, вообще-то твоя заурядная жизнь куда интересней моей. Ты и пиши!

Ну уж нет. Мне бы со своим заданием разобраться.

— Судзумия-сан, может, не двенадцать колонок, а поменьше? — беспечно спросил Куникида, — Может, хотя бы пять? Английский, математику, литературу, химию и физику я знаю, а вот в биологии, истории и обществоведении не силен.

Даже знать сколько ты знаешь — уже достаточно, я и сам буду ждать твоего черновика с исключительным интересом. «Двенадцать колонок об альтернативной пользе школьных предметов». Если там и правда что-то полезное, то более ценного чтения просто не найти.

Харухи обратилась к работающим в неурочное время одноклассникам:

— Через час я вернусь. Если к тому времени вас не будет... ну вы поняли?

Озвучив эту откровенную угрозу, она выскочила из класса. Занятой она человек, наш главный редактор.

Стоит сказать, что нашлись, конечно, и сочувствующие бездельники, которых не затруднила просьба написать для Харухи по рассказу.

Одной из них, как легко догадаться, была Цуруя-сан. Эта может быть даже более способная к любому делу, чем Харухи, старшеклассница, услышав расплывчатую просьбу:

— Не напишешь чего-нибудь, неважно чего?

Тут же с готовностью согласилась, и смеясь, поинтересовалась только:

— А когда сдавать? Ах, ну за такое-то время раз плюнуть! Ха-ха-ха, вот это забава!

Что, интересно, она собралась писать?

Другим человеком, а точнее сказать, другим коллективом таких людей был компьютерный кружок. Мало той истории с их читерским компьютерным турниром, в последнее время к ним ещё и Нагато стала захаивать. Поэтому когда в компьютерный кружок, ставший уже практически вторым отделением «Бригады СОС», влетела наш общий верховный самодержец со словами «полный обзор всех последних новинок/каталог маст-си игр», она моментально получила заверения написать вот это самое непонятно что. Бог знает почему, но похоже, весь компьютерный кружок, начиная с председателя, ухватился за эту идею. Кстати, я в компьютерные игры толком не играю, так что и этот материал мне не интересен.

Но и на этом дела Харухи не закончились. Задумав сделать альманаху хоть сколь-либо приличную обложку, она бросилась напрямик в кружок рисования, и разузнав, кто в нём рисует лучше всех, вынудила его нарисовать картинку, а затем решив, видимо, что голый текст недостаточно ярок, и нужны иллюстрации, рванула в кружок манги за рисунками. Конечно, затруднений на них на всех свалился мешок, но увы, волноваться и дальше из-за чужих проблем я не собирался, и оставив в классе Танигути и Куникиду, отправился сюда, в клубную комнату.

Здесь о Харухи и не вспоминали. В силу вышеизложенных обстоятельств она носилась по школе, так что я, по идее, мог бы здесь как следует передохнуть, вот только время, потраченное целиком на разглядывание экранной заставки, отдыхом никак не назовёшь.

— Ну-ка, ну-ка.

С мужественным выражением лица за столом сидела Асахина-сан, в виде исключения в школьной форме.

В это время сказка дробь книжка с картинками Асахины-сан была ещё не дописана, и видя, как Асахина-сан сидит за столом, держась за голову, и водит карандашом по бумаге, мне только и оставалось, что организовать доставку себе чая самостоятельно.

Рядом с ней свой обыкновенный вид хранила Нагато. Сидя с раскрытым томиком в твёрдой обложке, словно читающая кукла, она держала себя так, будто уже покончила с заданием.

—

Видимо, решив, что сдав Харухи рассказ на трёх листах, она своё дело выполнила, Нагато полностью стала прежней. Невидимое поле, что окружало её раньше, в кабинете школьного совета, казалось теперь заблуждением.

Кстати, о заблуждениях: сказать, что меня совсем не волновала сейчас Нагато тоже было бы заблуждением, так что признаюсь честно. С какими чувствами она писала свой странный недорассказ, о чём думала, когда решила показать его Харухи, про что вообще, по её собственному мнению, в рассказе сказано — мне хотелось спросить Нагато о многом, но задавать такие вопросы при Асахине-сан и Коидзуми было как-то неловко...

Отложу-ка я лучше расспросы до случая, когда мы с ней останемся вдвоём.

Я отвёл глаза от читающей книги в штатном режиме участницы литературного кружка. Работающих компьютеров на столе лежало только два. Ноутбук перед Нагато, как и губы его хозяйки, был закрыт на манер ракушки — и отодвинут в сторону.

Мне бы тоже хотелось закрыть свой. Со стыдом осозная, что впустую перевожу ограниченные ресурсы нашей планеты, я должен по идее немедленно нажать кнопку OFF на вверенном мне персональном компьютере. Питать его электричеством — это тратить зря энергию, и кстати, на голове тоже хорошо бы нажать OFF, чтобы немедленно погрузиться в глубокий сон.

Подумав так, я вздохнул, и услышал голос Коидзуми:

— Сильно ломать голову не стоит, просто пиши, как есть.

Тебе-то повезло, что достаточно просто записывать на бумагу то, что уже есть в голове, а мне надо сочинять всё с нуля. Давай-ка Расскажи мне о своём романтическом опыте сам. А я напишу премиленькую повесть с тобой в главной роли.

— Этого, пожалуй, мне не хотелось бы...

Воздетые над клавиатурой руки Коидзуми замерли, и повернувшись ко мне с улыбкой и любопытством на лице, он прошептал:

— С тобой что, правда ничего такого не было? За всю свою жизнь ты никогда не становился узником романтического влечения, не встречался с девушкой? «Нет, за последний год в старшей школе ничего не случилось» — из этого рассказа не сделаешь, так почему бы не взять что-нибудь из прошлого? Среднюю школу, например?

Глядя в потолок, я призвал на помощь воспоминания о собственном прошлом, а Коидзуми

шептал всё тише:

— Не забыл, что я сказал на бейсбольном чемпионате?

Кто знает. Что-что, а поговорить ты любишь. Не стоит надеяться, что каждое твоё слово заучивают.

— Но уж разговор о том, что ты оказался четвёртым отбивающим, поскольку этого захотела Судзумия-сан, должен был запомниться...

Я с подозрением посмотрел на ласковую улыбку Коидзуми. Опять это?

— Да, опять это. Другими словами, лот с «романтическим рассказом» ты вытянул не случайно.

Ну в случайном характере жребия я и сам давно сомневался. Даже я знаю — не надо быть фокусником, чтобы уметь всегда вытягивать задуманный лот.

Коротко глянув в сторону Нагато, я убедился, что к разговору она особо не прислушивалась. Асахина-сан была с головой занята попытками подружить карандаш с ластиком.

— То есть получается, что Судзумия-сан хочет узнать о характере твоих прежних любовных отношений. Поэтому одним из жанров она выбрала романтический рассказ. Она могла бы прямо написать «ваши любовные переживания», но... проявилась обычная для Судзумии-сан некоторая нерешительность.

Это где ты в ней нашёл хоть след нерешительности? Она кругом и насквозь человек, плевавший на сдержанность и правила тона.

Койдзуми усмехнулся:

— В области, именуемой сердцем. Если так посмотреть, Судзумия-сан очень ясно чувствует, какие границы в самом деле нельзя переходить. Быть может, бессознательно, но тем более удивительной следует назвать остроту её восприятия. Фактически, она никогда не совершает поступков, которыми могла бы потоптаться у нас в душах. Во всяком случае, я таких не помню. Даже наоборот, это мне зачастую приходится забираться в подсознание к Судзумии-сан...

Между прочим, и я там раза два бывал.

— Но слов, что она сдержанности не знает, назад не заберу, — отбивался я, чем мог, — Иначе бы она не врывалась, вышибая с ноги дверь, в школьный совет, и вообще не захватывала бы сперва литературного кружка. И не задавала бы такой ерунды сочинять.

— Ладно тебе, что такого? В конечном счёте, не такой уж это плохой номер. Защищая молодёжный кружок, старшеклассники выступили против всемогущего главы совета...

Койдзуми так воодушевлённо посмотрел вдаль, что даже мурашки по коже пошли, а затем снова улыбнулся:

— Честно говоря, я о такой школьной жизни только мечтал. Я начинаю подумывать о том, чтобы признать Судзумию-сан богом и поклоняться ей. Желания она ведь уже исполняет...

Да ты же всё это сам и сочинил. Какое это исполнение желания, когда ты сверху дёргаешь за верёвочки! Впрочем, признаю, что потрудиться пришлось немало.

— Но какой тебе выпадет лот — этим мы управлять не пытались. Давай вернёмся к исходному разговору. Говоря попросту, Судзумия-сан ждёт, что ты напишешь о чём-то вроде своей философии любви. Между прочим, да позволено мне будет сказать, что и я бы о ней прочёл...

Уже чуть громче Коидзуми сказал:

— Как мне доводилось слышать, в средней школе ты как будто был весьма дружен с одной девочкой. Может, возьмёшь этот случай за основу?...

Сколько раз вам всем повторять? Ничего такого у нас с ней не было!

Сдвинув брови и разминая между прочим пальцы, я украдкой глянул на лица двух девушек в клубной комнате.

Асахина-сан целиком посвятила себя созданию иллюстрированной сказки, и похоже было, что наш разговор до неё совершенно не долетал.

Нагато...

Судя по всему, и она полностью сосредоточила визуальное восприятие на чтении, но вот проверить звуковое восприятие я никак не мог, и более того, каким тихим голосом ни говори, а скрыть что-либо от Нагато мне не представлялось возможным.

И вообще, чего это я должен нервничать? Почему и Куникида, и Накагава, все мои бывшие одноклассники из средней школы как на подбор разделяют это недоразумение? Дурдом какой-то.

— В общем, ни говорить, ни писать об этом я не собираюсь, — заявил я. Особенно всяким приветливо щурящимся и попусту любопытствующим пройдо.... э, Коидзуми! Что это за понимание на твоём лице?! Говорю же, не так всё! Мне просто неохота ворошить прошлое! Там не о чем рассказывать совершенно.

— Ну, предположим, что я поверил.

Фраза меня рассердила, но Коидзуми, не умолкая, выдвинул новое предложение:

— Тогда постарайся срочно вспомнить что-нибудь ещё, о чём можно было бы написать. Хоть один-то случай какой-нибудь должен найтись. С кем-нибудь когда-нибудь ходил на свидание, кто-нибудь тебе признавался в любви...

Не было такого.

— собирался сказать я, но передумал, наполовину открыв рот. Увидев это, Коидзуми улыбнулся шире:

— Было, да? Вот это как раз то, что нужно. То, что хочет знать Судзумия-сан, а заодно и я. Об этом и напиши.

С каких это пор ты стал заместителем главного редактора? Давай-ка иди сочини свой «Таинственное исчезновение Сямисэна», или что там у тебя. О чём мне писать — я как-нибудь сам решу.

— Ну разумеется, решишь ты. Я говорю лишь на правах простого наблюдателя, в лучшем случае — советчика. Хотя сейчас мне кажется, что я представляю точку зрения Судзумии-сан.

Пожав плечами, Коидзуми закончил разговор и занёс руки над клавиатурой своего ноутбука.

Я задумался.

Прости, Коидзуми, но ты всё-таки заблуждаешься. Быть может, твоё воображение и покорила идея, что в средней школе я должен был хоть на короткий срок отметить в обычных для школьников отношениях с противоположным полом, но с сожалением сообщаю, что никто мне никогда не признавался в любви, и я никому не признавался. Первую любовь я испытал к своей гораздо более взрослой кузине, но кузина эта сбежала с каким-то отморозком. Травмирован я, конечно, был, но и это дело далёкого прошлого.

Что там признания в любви, я и на свиданиях не был.

Но одна картина вдруг воскресла на внутренней поверхности моих век.

Картину эту я видел около года назад, после окончания выпускной церемонии в средней школе, прямо перед тем, как я пришёл в эту старшую школу. Мне тогда и в страшном сне не могло привидеться, что став старшеклассником, я буду вести такую суматошную жизнь, и я беспечно тянул последние весенние каникулы в средней школе.

Начавшийся с того, что сестра принесла мне трубку в комнату, этот маленький эпизод моей жизни случайно сохранился в каких-то расщелинах мозга.

Некоторое время глядя в потолок, я тихонько выдохнул носом, и коснулся пальцем трэкпада ноутбука.

Скринсейвер скрылся, и снова появился оставленный мной в том виде, в каком был запущен, белый экран текстового редактора.

Чувствуя, как сбоку расплывается в сладенькой улыбке Коидзуми, я попробовал нажать несколько клавиш.

Ладно, я просто пальцы разомну. Если на полпути надоеет, всё брошу и удалю, только и всего.

Да уж, промываю память на сите и ищу золотой песок, думал я, сообщая составленную в голове фразу пальцам и печатая вводное предложение.

Начну как-нибудь так...

«Дело было незадолго до поступления в старшую школу, во время венчающих уже почти закончившийся учебный год весенних каникул...»

Дело было незадолго до поступления в старшую школу, во время венчающих уже почти закончившийся учебный год весенних каникул.

Выпускная церемония в средней школе осталась позади, но старшеклассником я до сих пор толком не стал, и помню, что мечтал по мере возможности не становиться как можно дольше.

Не знаю, помогли ли курсы, на которые все три года меня заставляла ходить мама, или что, но экзамены в окружную старшую школу я сдал — и слава богу. Правда, поднимаясь во время предварительного посещения по длинющему склону, я не мог вынести даже мысли о том, чтобы ещё три года ходить в эту школу. К слову о распределении по школам скажу, что все ребята, которых я держался до сих пор, перешли либо в дворовую городскую, либо в далёкие

частные школы, так что я волей-неволей чувствовал себя брошенным.

В то время мне и в дурном сне не могло привидеться, что не успеет начаться моя новая ученическая жизнь, как я столкнусь с необыкновенной девушкой и окажусь втянут в создание диковинного кружка, так что вспоминая свои годы в средней школе, нахожу, что неизведанная ещё хай-скул-лайф меня в общем всё-таки волновала, короче говоря, я относился к ней довольно серьёзно.

Так всё и шло — стараясь похоронить захватившее большую часть души одиночество, я спал до полудня, отмечал с поступившими в другие школы приятелями расставание (под этим предлогом просто сражаясь в игры), ходил смотреть вышедшее кино... в общем, развлекался как мог, но вскоре и это существование мне наскучило. Проглотив совмещённый с обедом завтрак, решить: ну что, по лежбищам[12], и пойти валяться у себя в комнате — такой у меня был послеполуденный распорядок в конце марта.

Выспавшись, проснувшись, поев, и опять завалившись на кровать, чтобы ещё немного поспать, я вдруг понял, что слышу, как наш домашний телефон играет мелодию звонка.

У меня в комнате телефона нет, поэтому я не реагировал, решив, что мама или сестрёнка снимут, и вскоре сестра заглянула ко мне в комнату, держа в одной руке беспроводную трубку.

Кстати, только сейчас мне пришло в голову, что по-моему, всякий раз, как она является ко мне в комнату с телефоном в руке, это значит, что произошло что-нибудь необычное.

Но, повторюсь, в то время я был ещё весьма наивен, и мне ужасно не хватало очков экспериенса.

— Кён-кун, звонят...

— Кто? — спросил я у загадочно улыбающейся сестрёнки.

— Девочка!

Вручив мне трубку и легкомысленно улыбаясь, она развернулась на одной ножке и, подпрыгивая, убежала из комнаты. Странно... Обычно она торчала бы в комнате до тех пор, пока её бы не выгнали. Дела у неё, что ли, срочные?..

Нет, первым делом — кто звонит? Прокручивая в своей голове экран выбора девушек, которые могли бы мне позвонить, я нажал кнопку связи на телефоне.

— Аллё?

Секунда молчания.

— ...Алло. Привет...

Действительно, голос был девичьим. Но чьим — я ещё работал в режиме поиска и пока не знал. Хотя мне казалось, что этот голос я где-то слышал.

— Это я. Ёсимура Миёко. Привет. Как дела? Не очень занят?

— Э-э....

Ёсимура Миёко? Кто это такая...

Не успел я задаться этим вопросом, как прокрутка внутри головы уже замерла. Неудивительно, что мне знаком этот голос. Мы ведь с ней постоянно видимся. Просто слышать её полное имя было непривычно. Ёсимура Миёко, кличка — Миёкити.

— А, это ты. Совсем не занят. Не знаю, как время убить.

— Это хорошо, — произнесла она с таким искренним облегчением, что я испугался: что ей от меня нужно?

— Ты завтра свободен? Можно послезавтра. Только в апреле уже будет поздно. Я тебя немного отвлеку?

— Э-э, ты ко мне обращаешься? (1)

— Да. Прости, что пристаю. Нужно завтра или послезавтра. Ты не занят?

— Нет, не занят. И завтра, и послезавтра весь день свободен.

— Слава богу.

И снова в её шёпote слышалась идущая от самого сердца искренность.

— У меня просьба.

А затем Миёко произнесла, как будто нервничая:

— Не мог бы ты завтра, только один день... погулять со мной?

Будто преследуя взглядом тень убежавшей сестры, я смотрел на оставшуюся открытой дверь моей комнаты:

— Я?

— Да.

— С тобой?

— Да.

Чуть потише Миёко добавила:

— Только мы вдвоём. Нельзя?

— Да нет, почему...

— Слава богу.

До меня опять донёсся вздох преувеличенного облегчения, и голос, в котором слышалась едва сдерживаемая радость:

— Тогда позаботься обо мне, пожалуйста![13]

Мне живо представилось, как Миёко кланяется по ту сторону телефона.

Затем мы условились о месте и времени встречи — Миёкити изо всех сил старалась учесть мои

пожелания, а я просто повторял «Ага, ага, ладно, ладно».

— Прости, что отвлекла звонком.

— Да ничего. Всё равно бездельничаю...

Дав расплывчатый ответ извиняющейся до последнего девочке, я повесил трубку. Не повесь её я сам, Миёко бы ещё бог знает сколько рассыпалась в благодарностях. Ёсимура Миёко, кличка Миёкити, просто была такой девочкой.

Собираясь отнести телефон на место, я вышел в коридор, и нашёл, что там, бесечно чему-то улыбаясь, ждала сестра. Ну раз такое дело, я отдал телефон ей.

— Ня-ха-ха!..

Издав этот глупое хихиканье, сестрёнка убежала, размахивая трубкой.

Беспокоясь за будущее сестры, я вспомнил спокойный голос Миёкити. (2)

И вот, настало завтра.

Описывать свой день подробно я не стану. Если в двух словах, потому, что мне лень. Это всё-таки рассказ, а не финансовый отчёт и не судовой журнал, и тем более, не мой дневник.

Поэтому автору, то есть, мне, позволительно самому выбирать, о чём писать. Так я и сделаю...

Появившись в тот день в назначенном месте и увидев Миёко — она пришла прежде и ждала меня — я поспешил к ней. Заметив меня, Миёко повернулась в мою сторону и аккуратным движением поклонилась:

— Доброе утро.

Приветствовав меня тонким, как комариный писк, голосом, она закинула ремень сумочки на плечо, и качнув заплетёнными в косы волосами, подняла голову. Поверх блузки с цветочным узором на ней была голубая кофта, низ — джинсы в обтяжку на семь десятых длины ноги. Миёко была стройной, и ей это шло.

Произнеся какую-то ответную вежливость в духе «да ладно тебе», я не спеша осмотрелся.

Мы стояли возле станции, на том самом месте, с которым я нынче хорошо знаком по встречам «Бригады СОС». Но в то время я и не думал, что через несколько месяцев попаду в сомнительного предназначения бригаду, и буду разбиваться в лепёшку по приказам чокнутой бригадирши, провозглашающей господство над этим миром, так что я просто огляделся по сторонам. Я не думал о том, что если меня заметят вместе с девушкой, придётся что-то объяснять. Просто как-то в голову не пришло. (3)

— Скажи... — тонкое лицо Миёкити выдавало совсем чуть-чуть беспокойства, — Мне хотелось бы кое-куда сходить, ты не против?

— Нет, конечно.

Затем я сюда и пришёл. Если б я был против, то отказался бы вчера по телефону. Но причин отказывать Миёкити в просьбе у меня не было.

— Большое спасибо.

Хотя такие формальности были совсем ни к чему, Миёкити склонила голову.

— Я хотела бы сходить на один фильм.

Да без проблем. Уж билеты я, во всяком случае, куплю...

— Нет-нет, я этого не прошу. Я сама заплачу. Я ведь сама попросила тебя прийти, — заявила она решительно и улыбнулась. Наверное, про такую улыбку говорят — незамутнённая? Иного рода, нежели у моей сестры, но более, чем невинная улыбка.

Кстати, поблизости кинотеатров не было. Мы с Миёкити направились к станции, купили билеты и сели в электричку. Фильм, который она хотела посмотреть, не показывали в комплексах развлечений и на больших экранах — премьера его проходила в единственном зале небольшого, можно даже сказать крошечного, кинотеатра.

Пока мы тряслись в электричке, Миёко всё время смотрела в окно, сжимая в руке путеводитель по городу, но временами, будто вспоминая обо мне, взглядывала на меня — и тут же поспешно опускала голову.

Не то, чтобы мы всю дорогу молчали — какой-то разговор у нас был, но писать особо не о чем. Обычная беспорядочная болтовня. Кто в какую школу пойдёт весной, помню, про сестру мою говорили... (4)

Добравшись до нужной станции, шагали к кинотеатру мы точно в такой же обстановке. Правда, Миёко начала немного нервничать. Она волновалась до тех пор, пока мы не пришли к кинотеатру и не подошли к окошку для продажи билетов. (5)

Хотя приближалось время следующего показа, перед кассой в очереди никто не стоял, что явно говорило о низкой посещаемости фильма. Осторожно взглянув на Миёкити, я обратился к бабушке, скупавшей по ту сторону стекла:

— Два ученических.

Дописав до этого места, я убрал руки с клавиатуры и хорошенько потянулся, откинувшись на спинку железного стула.

Видимо, из-за того, что я занимался совершенно непривычным делом, плечи мои затекли — что поделаешь. Я повертел головой в разные стороны.

— Ну разве не бодро ты пишешь, как я посмотрю? — с улыбкой и любопытством спросил Коидзуми, — Хорошо бы этот запал не угас до самого конца. Нет, правда, я уже предвкушаю, каким интересным окажется твой рассказ!

Увы и ах, Коидзуми. Можем с тобой поспорить. Когда ты будешь его читать, он тебе интересным не покажется, гарантирую. Даже на романтический рассказ выйдет мало похоже.

— И тем не менее, — Коидзуми нацелил палец на LCD-экран моего ноутбука, — Написанное тобой вызывает во мне интерес. Почему — потому, что в сочинениях автор всегда хоть немного приоткрывает свой внутренний мир. Мне под силу услышать, о чём беззвучно гласит сказанное им между строк. И больше, чем тексты Нагато-сан и Асахины-сан, меня интересует твой рассказ.

Тебе мной интересоваться вовсе не обязательно! С каких это пор ты начал заниматься не только психическим состоянием Харухи? Анализ моего подсознания в твои обязанности не входит!

— Если вспомнить, что психическое состояние Судзумии-сан зависит от твоего, я бы не стал так спешить с выводами...

Ну и нахал.

Отвернувшись от Коидзуми, я оглядел комнату. Харухи ещё не вернулась, а Асахина-сан была погружена в рисование:

— М- та-ак, та-ак...

Наша зефирная старшеклассница, Асахина-сан, с озабоченным видом взглядывала на бумагу, неуверенно проводила линию, по-детски сжимая карандаш, потом немножко думала, и повозюкав ластиком,

— Та-ак...

...снова усердно трудилась, не поднимая головы. С иллюстрированной сказкой Асахины-сан вы уже ознакомились, ну так вот, сейчас она корпела как раз над ней. Видев результат, стоит, наверное, признать, что труды Асахины-сан увенчались успехом. Сказка получилась удивительно на неё похожая.

Таким образом, к настоящему моменту со своим заданием покончила...

—

...только тихо читающая книгу, сидя на закреплённом за собой месте с краешку стола, Нагато. Предъявив свою безымянную трилогию из сверх-коротких рассказов, совершенно забывшая о всяких заботах хрупкая участница литературного кружка, воспринимала теперь весело носящуюся Харухи, вздыхающую Асахину и меня, как фоновый шум, и молчала, полностью погружившись в чтение.

Конечно, мне самому хотелось бы, чтобы Нагато написала хоть какие-нибудь комментарии к «Без названия 1-2-3», но что-то мне стало казаться, что лучше об этом было не просить, да и думать сейчас надо было о другом — о начатом мной «романтическом рассказе». Писать в горячке хорошо, но...

— Не пойдёт. Скучно.

Как быть, если одно слово — и мой труд отправится прямиком в мусорное ведро? А ведь писать в угоду Харухи то, что ей понравится — тоже как-то досадно. Почему это я должен подстраиваться под неё в таких глупостях?

Я понемногу начинал злиться, но тут сбоку опять влез мистер радостная улыбка:

— Не думаю, что она так скажет.

Похоже, мой монолог он подслушал. Не убирая рук с ноутбука, Коидзуми продолжал печатать вслепую:

— Если ты напишешь документальный рассказ о своём прошлом и о времени до встречи с

Судзумией-сан или мной, думаю, Судзумия-сан его прочтёт с интересом.

Печатать и разговаривать одновременно — это, конечно, ловко, но всё-таки, знаешь, гарантии твои...

— Возьмём, скажем, меня, — в голосе Коидзуми послышалась нотка весёлости, — Тебе никогда не хотелось узнать о моём прошлом? Где и как я жил до того, как перевестись в эту школу, о чём думал, проводя день за днём — разве не интересно было бы об этом услышать?

Ну... если так ставить вопрос, то пожалуй, да. Попадись мне документальное описание быта экстрасенса, в младшей школе я бы танцевал от счастья и читал запоем. Особенно — что за штука ваша «Организация», этот вопрос и до сих пор терзает моё любопытство.

— Знай ты больше, ты был бы разочарован. Ничего интересного у нас не происходит. Как тебе хорошо известно, я экстрасенс с ограничениями по месту и по времени...

Сказав так, Коидзуми продолжил:

— Однако то, что я жил совсем не похожей на бытие обычного человека жизнью — правда. Я даже иногда подумываю как-нибудь, когда страсти утихнут, написать автобиографию. Если напишу, то в графе посвящения укажу твоё имя.

— Вот уж не надо.

— Нет? А я-то надеялся, что ты по этому случаю изложишь свою версию событий...

Оставив фразу без ответа, я потянулся рукой за чаем. Попавшаяся мне чашка оказалась уже пуста. Чтобы Асахина-сан могла целиком посвятить себя работе над книжкой, приходилось налить вторую чашку самому, но когда я поднялся с этой целью...

...БА-БАХ! — распахнулась дверь комнаты, и снаружи, кипя энергией, влетела девчонка:

— Ну чего, народ? Как прогресс?!

До странного возбуждённая, Харухи простучала ботинками по комнате, плюхнулась на командирское место, водрузила на стол принесённую пачку бумаг и посмотрела на меня загадочно сияющим взглядом.

— О, Кён. Будешь чай наливать, мне тоже налей. А то Микуру-тян занята, не отвлекать же её.

Спорить тут было бы как-то по-детски, так что я не стал. Громко вздохнув, по крайней мере, в знак протеста, я налил в чайничек кипячёной воды, разлил выдохшийся чай по чашкам себе и Харухи, и, будучи за официанта, отнёс одну чашку к командирскому месту.

Харухи с довольным видом схватила чашку и похлебала из неё чаю:

— Эй! Да это же просто подкрашенная в чайный цвет вода. Заварку иди поменяй, заварку.

— Сама поменяй, мне некогда.

Мне и действительно было некогда, так что при всём уважении к светлейшим указаниям её высочества бригадирши, некоторое неподчинение она должна была простить. Только не говорите, что заварка чая важнее составления альманаха.

— Хм-м? — протянула Харухи, заулыбавшись, — Ты правда сел писать? Неужели? Ну мои поздравления! Смотри уложись в срок. Нам скоро надо на создание макета переключаться.

Похлёбывая налитый самому себе чай, я гадал, чем вызвано у Харухи хорошее настроение. Судя по всему, причина крылась в кипе листочков А4, брошенных ей на стол.

— Это? — Харухи зорко перехватила мой взгляд, — Черновики, которые мне сдали. От ребят, бравшихся писать. Все постарались на славу. Один Танигути сказал, что ничего не выходит, так что я ему ещё день отвела. А Куникида написал только половину. Но он человек ответственный, завтра остальное принесёт.

Будто проверяя рукописи, Харухи по одному перебирала листочки:

— Это иллюстрации от клуба манги, вот набросок обложки от кружка рисования. А вот от компьютерщиков. Ничего себе, сколько листов исписали. Правда, из написанного я ни слова не понимаю, но бог с ним, сойдёт. Сразу видно, что писали от души, а тем, кто разбирается, ещё и понравится, может быть.

Понятно. Другими словами, Харухи с удовольствием обнаружила, что создание альманаха идёт полным ходом. Видеть, как из ничего возникает нечто, как оно обретает форму и понемногу движется к совершенству — это и мне приятно. Точно как собирать пластиковые модельки из деталей или в РПГ продвигаться к главному боссу — в общем, что-то такое. Ещё как затягивает. Конечно, если ты не пластиковая деталька и не NPC...

— Чего ты там ворчишь?

Осушив во мгновение ока чай, и покачивая чашкой, Харухи благодушно улыбнулась мне:

— Иди уже на место, пиши давай. Посторонние ребята из компьютерного кружка вон как стараются, а ты нам своей ленью репутацию портишь. Мы же сами приняли этот бой!

Да уж, любит Харухи находить себе достойных противников! До такой степени, что от злости хочется раскрыть ей истинные цвета председателя совета. Между прочим, хочу заметить. Изначально претензии предъявлялись только к единственному члену литературного кружка, Нагато, а ты просто зевака, внезапно выскочившая сбоку — так почему же тебе вдруг досталось верховодить? Даже повязку нацепила, «главный редактор»!

Коротко глянув на Коидзуми в профиль, я задумался, какой уже по счёту была его очередная операция с целью развеять скуку Харухи. Кажется, заброшенный остров шёл первым, а окаянные снежные горы — вторыми. Нет, стойте, принесённый Кимидори-сан случай с камадомой... а, это была Нагато.

Пребывая в таких пустопорожних размышлениях, я услышал стук в дверь.

— Прошу извинить.

Не дожидаясь ответа, дверь открыли, и в комнату вторгся высокий молодой человек.

Бяум!

Звук, с которым струну пианино перекусывают кусачками послышался, наверное, только мне.

Точно промежуточный босс в какой-нибудь стрелялке, ни с того ни с сего перед нами возник

председатель школьного совета.

А за его плечом стояла Кимидори-сан.

Бестолково сверкая очками для вящей серьёзности, председатель обвёл комнату взглядом.

— Недурна ваша комната, как я посмотрю. Вам такая совершенно ни к чему.

— Чего тебе тут надо? Мешаешь работать, иди подобра-поздорову прочь.

Быстрее, чем превращаются в боевую форму герои в токусацу, Харухи перешла в раздражённый режим. Сложив руки на груди ещё заносчивей председателя, она не потрудилась даже встать со стула.

Председатель лицом встретил удар смертоносного взгляда Харухи:

— Считайте, что я изучаю манёвры противника. Заклятым врагом или преградой, которую надо превзойти, я становиться не собираюсь. Впрочем, хотя я просто пришёл вас провести, условия, всё-таки, предложил я... Назовём это проверочным обходом с целью убедиться, серьёзно ли вы взялись за дело. Нда. Как я вижу, кипучую деятельность вы действительно развели. Это впечатляет, но помните, что не всякая работа даже в больших объёмах даёт желаемые плоды. Заучите назубок, нельзя пренебрегать прилежностью и внимательностью.

Заучивать я ничего не собирался, но прежде меня ответить успела бригадирша (а ныне — главный редактор):

— Отвяжись.

Ти-лим. Я почти услышал звуковой эффект, с которым глаза Харухи преобразились в два перевёрнутых остроугольных треугольника.

— Если ты поиздеваться над нами пришёл, то увы и ах. С боку такого калибра мы даже цуккомы вставлять не станем.

— У меня не настолько много свободного времени.

Картинным жестом председатель щёлкнул пальцами. «Слуга!» — казалось, хочет воскликнуть он, но вооружённый очками председатель совета звал совсем не мальчика-служку:

— Кимидори-кун, покажи им.

— Есть, председатель.

Кимидори-сан проследовала по направлению к Харухи, держа стопку периодики, которую она принесла под мышкой.

Нагато, переведя взгляд обратно на страницы раскрытого на коленях томака, сидела, не шевелясь.

—

Как будто не замечая, что Нагато здесь вообще есть, Кимидори-сан улыбнулась:

— Пожалуйста. Материалы.

...и вручила Харухи несколько потрёпанных журналов.

— Это ещё что?

Неудовольствия Харухи не скрывала, однако — на хаяву и уксус сладок, — взяла старые журналы, и брови её заметно приподнялись.

Насмешливо играясь с очками, председатель ответил:

— Номера альманаха, изготовленные прежним литературным кружком. Изучите их как следует. Вы любите находить всему собственные трактовки, у вас даже слово «литература» может значить что-то иное. Благодарить не обязательно. Спасибо скажите Кимидори-кун. Это ей пришлось разыскивать журналы на полках в архиве.

— Пф, ну спасибо. Хотя я как-то не рада.

С лицом властителя провинции Каи, которому без спросу пришла в подарок соль, хотя нехватки соли он особо не испытывал[14], Харухи бухнула пачку журналов на стол, и тут точно впервые заметила в лице курьера что-то знакомое:

— О, ты же... Так ты работаешь в школьном совете?

— Да. С этого года, — мягко ответила Кимидори-сан, поклонилась, и в неторопливой манере вернулась к председателю. С безразличным видом Харухи спросила:

— С тем парнем у вас как, нормально всё?

Парнем, о котором говорила Харухи, был, ясное дело, глава компьютерного кружка.

— Большое спасибо, что тогда помогли, — нисколько не изменив улыбке, Кимидори-сан продолжила: — Однако мы уже расстались. Если так подумать, кажется, мы даже и не встречались толком никогда, так давно всё это было.

Ответ получился весьма туманным, но причина этого была мне вполне ясна. Уверен, что и председатель компьютерного кружка был бы со мной единомышлен. Он-то и не знал, что с ним кто-то встречается. Просто решил проверить страницу «Бригады SOS» и поплатился за это. Не повезло ему порядком, конечно...

—

Нагато с шелестом перевернула страницу книги.

Было похоже, что к этому моменту Нагато и Кимидори-сан вступили в бой по активному взаимному игнорированию. Правда, Нагато так себя ведёт по отношению ко всем, так что по видимости, мне это только казалось. Что-то в последнее время, по-моему, я смотрю на мир сквозь очки какого-то странного цвета.

— Хм, ясно, — Харухи необычно поджала губы, — Ну, дело молодое. Всякое бывает.

Кстати говоря, ты моложе её, — вставлять такое грубое цуккоми я не собирался. Тут правильной будет не делать комментариев. К тому же, настоящий возраст Кимидори-сан, скорее всего, тот же, что и у Нагато. Сомнительно, что она старше. Уж не создана ли она сразу однадцатиклассницей, я вот думаю?

Однако сообщать сейчас такие подробности я не мог. Судя по реакции Нагато, Кимидори-сан врагом не была. Я как бы невзначай глянул краем глаза, как там Асахина-сан. Она знает по крайней мере то, что Нагато связана с инопланетянами. То, как она удивилась, когда её привели сюда впервые, выдало её с головой. Так что заподозрить, уж не догадывается ли она, что и Кимидори-сан тоже такая же, было естественным движением сердца.

Однако...

— Та-ак...А! Ну-ка... М-мм...

Очаровательная старшекласница целиком и полностью посвятила себя ожесточённой работе над книжкой с картинками, и, похоже, совершенно не обращала внимания на двух вторгшихся в комнату незваных гостей. Не знаю, надо ли тут воздавать хвалу её сосредоточенности, или волноваться, что она становится всё более неуклюжей. Если последнее — это Харухи её так воспитала.

Пока я стоял в неопределённости, Харухи с председателем обменивались словесными ударами:

— Похоже, вы делаете сборник рассказов, — с сомнением в голосе говорил председатель, — Только вот сможете ли вы написать что-нибудь пристойное?

— Десятый раз говорю, увы и ах, — решительно отвечала Харухи, — Я лично ни на столечко не сомневаюсь!

Состроив такое самонадеянное лицо, что впору было выяснять, из какой червоточины[15] была эта уверенность, Харухи добавила:

— Тут и объяснять нечего, рассказы сочинять — раз плюнуть! Даже недоучка-Кёэн справляется! Буквы-то писать все умеют, правильно? А если знаешь буквы, то и предложения напишешь, а потом и соединишь их как-нибудь. Чтобы писать слова, не нужна особая тренировка! Мы уже старшекласники. Поэтому тренироваться сочинять рассказы совершенно ни к чему. Надо просто сесть и писать что получится.

Фьють, — председатель поправил очки:

— Остаётся только похлопать такой оптимистичной точке зрения. Увы, она наивна до слёз.

Хоть я совершенно того же мнения, лучше б он всё-таки сдерживался и не подливал масла в огонь. Пусть даже фраза исходит от председателя, полыхающая аура Харухи поглотит не его, а стоящих поблизости нас.

Разумеется, Харухи сейчас же сощурилась и нахмурилась так, что кончики бровей и уголки глаз стали напоминать острые ножи.

— Уж не знаю, кем ты себя возомнил. Но знаешь что? Даже будь ты действительно важной птицей, я таких напыщенных типчиков ненавижу! А уж важничающих, когда и не с чего — тем более!

В ссорах она за словом в карман не полезет. Если их не разнять, они, похоже, так и будут вести эту перепалку. Председатель-то всё-таки ещё надутей Харухи. Может, это тоже игра, но сохранять невозмутимость перед брызжащей искрами гнева Харухи — большое дело. И для председателя, и для Кимидори-сан.

— Хм. Не так уж я и важен... А ты, значит, судишь людей по их статусу? Если у меня и есть, чем до известной степени гордиться — так это тем, что в результате честных выборов я занял и сохраняю свой пост. А ты, интересно, по какому праву сидишь на этом стуле. А, бригадирша?

Да уж, что сказать — не прогадал Коидзуми с актёром, шкура у этого председателя толста! Второго ученика, способного бесстыдно читать Харухи такие нравоучения, в школе, наверное, не нашлось бы.

Но Харухи — это Харухи, её недооценивать не стоит. Уж вы мне поверьте.

— Провоцировать меня бесполезно.

Предводительница незаконного на территории школы объединения вместо того, чтобы впасть в бешенство, улыбнулась загадочной улыбкой:

— Может, школьный совет и хочет под видом литературного кружка уничтожить «Бригаду SOS», но я этого не допущу.

Харухи краем глаза глянула в мою сторону. Чего ты смотришь?

Сверкающие глаза её пронзили председателя насквозь:

— Я ни за что, никогда отсюда не съеду. Сказать тебе, почему?

Голосом настолько громким, что если б он был микроволнами, то оказался бы эффективнее любой СВЧ-печи, Харухи воскликнула:

— Потому, что это комната «Бригады SOS», а эта бригада — моя!

Сказав всё, что хотел сказать, и узнав в ответ всё, что хотела сказать Харухи, председатель в сопровождении Кимидори-сан ушёл.

— Жутко бесит. Зачем он приходил сюда, председатель дурацкий! — ворчала Харухи, надув губы и пролистывая принесённые Кимидори-сан номера альманаха из бывшего литературного кружка.

Из-за Харухино боевого крика даже Асахина-сан, наконец, заметила, что к нам пришли гости, и поспешно бросилась готовить чай, но было поздно. Однако благодаря этому мне удалось, всё-таки, заполучить вкусного чаю Асахины-сан и успокоившись, вернуться к сочине...а вот последнего-то и не удалось.

Как-то вышло, что подавив в себе жар, я потерял и желание работать. Не говоря уже о работе над определённой жребием темой, к тому же, над эпизодом из своего прошлого.

Однако и отмахиваться так было нельзя. Языки разожжённого визитом председателя в Харухи энтузиазма и сейчас ещё лизали потолок комнаты.

— Вот что, ребята, — разлепив сложенные утиным клювом губы, Харухи объявила: — Раз так, мы вот что бы то ни стало должны выпустить альманах, притом офигенный, и весь распродать. Чтоб ни одного экземпляра не осталось, то-то мы утрём нос школьному совету. Здорово будет!

Альманах не продают, а распространяют бесплатно, но умирать ради этой фразы я не собирался, хотя, судя по всему, не уложившихся в срок всё равно ждало наказание, которое и до наступления самой смерти было смерти подобно. Чёрт, я понимаю, что у него работа такая,

но не переигрывает ли всё-таки председатель? Да и Коидзуми тоже — чего он кисленько улыбается с довольным видом?

— Я со своей стороны, — как обычно, прошептал мне Коидзуми, — более, чем удовлетворён. Пока получается удерживать внимание Судзумии-сан на повседневных проишествиях, я могу отвлечься от закрытых пространств.

Тебе-то, может, и хорошо. А как же я? Встревать в ученические разборки со школьным советом — уж увольте. Я понимаю, твой председатель только притворяется, но что устроит не понимающая этого Харухи — вот в чём вопрос. Если сделанный в этот раз альманах вдруг не будет соответствовать требованиям председателя, Харухи так просто комнату не отдаст. Мне бы не хотелось сидеть тут в осаде, пока нас возьмут измором.

Коидзуми рассмеялся, закурлыкав, как птица:

— Ты слишком волнуешься. Тревожиться сейчас нужно только о том, чтобы доделать альманах. А там всё как-нибудь устроится. Если нет — тогда...

Поверх его кроткой улыбки вдруг проступила мечтательность стратега:

— Мы разыграем всё по другому сценарию. Сражение при осаде — да, неплохая мысль...

По мерке Цуруи-сан председатель школьного совета был кем-то вроде Сыма И — интересно, с кем она сравнила бы Коидзуми? С каким-нибудь Куродой Канбэем?[16]

Чувствуя себя так же, как хозяин затопляемого замка Такамацу, я молил бога, чтобы испытывающий, судя по всему, любовь ко внутрешкольным интригам Коидзуми не решил всерьёз заняться стратегическим планированием.

В итоге я так и не смог в тот день закончить черновика. Нас, к тому же, ещё и отвлекли, и больше мне не удалось написать ни буквы.

Слава богу, проверив принесённые черновики, Харухи выскочила из комнаты. Или придумала, на кого ещё переложить работу, или побежала подгонять...

Вернулась Харухи к тому времени, когда уже начала играть требующая покинуть школу музыка, и ровно в тот самый момент, как Нагато захлопнула книгу. Попрощавшись с плодотворно сочинявшим свой рассказ Коидзуми и храбро бившейся над своим Асахиной-сан, я взял в руки портфель и поднялся.

Всё-таки, даже Харухи не потребовала брать с собой ноутбук и писать дома. Может, забыла, разозлившись до чёртиков, но мне только лучше.

Ёжась, когда на полпути из школы задул пронизывающий, точно спустившийся с гор ветер, но определённо чувствуя дыхание весны, и размышляя — если вдруг в следующем учебном году появятся желающие вступить в литературный кружок, попадут ли они автоматически в «Бригаду SOS» — я добрался домой.

Так что сесть за продолжение автобиографического рассказа мне довелось только на следующий день после школы.

Та-ак, куда я там дописал? А, до места, где мы покупаем билеты...

Тогда продолжу оттуда.

Благополучно попав в кинотеатр, мы с Миёкити заняли места в центре единственного, и уже поэтому едва ли просторного зала. Явка была, видимо, никакой, поскольку зал не то, что стоял полупустым — а вообще пустовал.

Про фильм, который мы смотрели, скажу — это был сплэттер-ужастик[17]. Честно говоря, я не фанат жанра, но в тот день не мог отказать желаниям девушки. Однако же не вяжутся с её тихой наружностью такие вкусы. Наверное, ей очень хотелось это посмотреть.

Превратившись на время показа в ревностного кинофаната, Миёкити наслаждалась кино, но всё-таки время от времени, в особенно страшных местах ужастика, послушно вздрагивала, отворачивалась, и один раз схватила меня за руку, этим меня почему-то успокоив.

Однако всё остальное время она ела экран глазами с таким прилежанием, что и создатели фильма, наверное, не ждали, что кто-то будет смотреть его так внимательно. Раскрывая к случаю своё впечатление о фильме, сознаюсь, что ничего, кроме «да-а... второсортное кино» я сказать не мог. Потерянного времени не жаль, но и особо хорошего ничего нет. Не помню, чтобы слышал о нём прежде хоть какие-то отзывы — должно быть, огласку его выход получил самую минимальную.

Почему, интересно, Миёкити обязательно хотела его посмотреть?

Я спросил её об этом:

— Потому, что в нём играет мой любимый актёр, — ответила она, чуть смутившись.

Потянулись титры, закрылся занавес и мы вышли из кинотеатра.

Была вторая половина дня. Пообедать, что ли, где-нибудь... Или уже домой? Пока я думал над этим, Миёкити очень смущённым тоном спросила:

— Мне бы хотелось зайти в одно кафе, можно?

Взглянув, я увидел, что в углу страницы её туристической брошюры красной ручкой был обведён кружок. Магазин, причём отсюда туда можно было добраться пешком. Немного подумав, я согласился:

— Конечно, можно.

Мы двинулись в путь, пользуясь простенькой картой на странице брошюры. Миёкити всю дорогу молчала и шла рядом со мной чуть позади. Можно было бы о чём-нибудь поговорить, но ничего не приходило в голову.

Прогулявшись некоторое время, мы добрались до маленького кафе. С виду это была модненько оформленная внутри и снаружи лавочка из тех, чтобы зайти в которые одному, парню потребовалось бы невероятное мужество — настолько мужчины были тут неуместны. Я машинально остановился перед входом, но Миёкити тревожно посмотрела на меня, и совершенно естественным образом я толкнул деревянную дверь.

Как и следовало ждать, посетители были почти все женщинами. Притом броско одетыми. Было и несколько пар, так что у меня немного отлегло от сердца.

Проводившая нас до свободного столика официантка мило оглядела нас с Миёкити, определённо мило принесла нам стаканы с водой, и ещё милее выслушала наш заказ.

Внимательно изучав меню секунд тридцать, я попросил Наполитан и холодное кофе, а Миёкити - кусок особого торта. Судя по всему, она заранее решила, что будет заказывать, поскольку когда официантка принесла на пробу десять сортов торта, она без колебаний указала на Мон-Блан[18].

— Ты только торт будешь? — спросил я, вроде бы, — Этим разве наешься?

— Нет-нет, ничего, — выпрямившись и положив руки на колени, ответила она с нервным видом, — Я обычно мало ем.

Неожиданный ответ. Может, из-за того, что я посмотрел с недоверием, она сразу печально опустила голову. Я тут же бросился объясняться, и с большим трудом мне удалось вернуть улыбку на её лицо. Как сейчас припоминается, наговорил вещей, от стыда за которые можно вспотеть. Что она и так весьма симпатичная, что... ух, я даже приводить их тут не могу. Однако на самом деле Миёкити была красивой девочкой. Настолько красивой, что подозреваю, половина мальчишек из её класса была в неё влюблена.

Принесённые Мон-блан и чай Дарджилинг[19]. Миёкити истребляла около тридцать минут. За это время я быстро всё съел и выпил, и успел осушить даже воду, образовавшуюся из растаявших кусочков плававшего в холодном кофе льда.

Было довольно-таки скучно, но чтобы Миёкити этого не заметила, я расспрашивал её на подходящие темы, кивал и покачивал головой... Хотя если подумать, пожалуй, ни к чему было так интересоваться собеседником. Я тогда был просто само внимание. Наверное, я тоже нервничал...

Уж по счёту в кафе мог бы заплатить и я. Однако Миёкити упрячилась до последнего, говорила, что заплатит сама за себя и ничего не слушала:

— Это ведь я попросила тебя со мной встретиться, — было её объяснение.

Закончив расчёты, мы вышли под яркие лучи солнца. Куда ещё мы пойдём после фильма ужасов и моднёнького кафе? Или хватит на сегодня?

—

Пока мы шли, Миёкити некоторое время молчала. Затем, наконец, произнесла:

— Есть ещё одно место... последнее...

Полушёпотом она сообщила мне место. Это был мой дом.

Так что я привёл её домой, и вместе с появившейся, точно она дожидалась нашего возвращения, сестрёнкой, мы втроем играли в приставку.

— Фух.

Дописав до этой строчки, я остановился.

Здесь, в клубной комнате, были только Коидзуми и Нагато. Харухи, как обычно, носилась по школе, а Асахина-сан ушла в кружок рисования, чтобы в последний раз проверить рисунки.

Пока я пролистывал написанный мной текст с самого начала, на поле моего зрения с краю вторглось лицо Коидзуми:

— Дописал? Уже?

— Не знаю... — ответил я, и подумал, что да, пожалуй: закончить можно и тут. Что толку всё это писать? Ради литературного кружка, ради Нагато — я бы ещё постарался, но мы-то просто разгоняем Харухину скуку и помогаем бригаде дальше занимать свой форт. Коидзуми дёргает за ниточки, а председатель у него вроде куклы, что всё метит своею властью злоупотребить. Так сказать, опосредованный театр одного актёра.

И всё-таки мне во что бы то ни стало хотелось избежать второй полновесной схватки с председателем, которая грезилась Коидзуми. Пусть условно, но под ударом была Нагато. А ей я желаю счастливой и спокойной школьной жизни. Смеем верить, не только у меня на душе воцаряется мир при виде Нагато, тихо читающей в углу комнаты книгу.

— Ну ладно, — я вздёрнул подбородок и посмотрел на Коидзуми, — Послушаю, что ты скажешь, прежде, чем сдавать Харухи. Валяй, читай.

— С большим удовольствием...

Поглядывая на съедаемого любопытством Коидзуми, я водил пальцем по тачпаду.

Доставшиеся членам бригады ноутбуки были связаны в сеть, где сервером был компьютер бригадирши. Несколько движений пальцем — и проснулся стоявший в углу комнаты принтер, пошёл выплёвывать распечатки.

Прошла пара минут.

Прочитав рассказ, Коидзуми рассмеялся и сказал так:

— А я-то думал, сочинять детектив надо было мне!

Значит, заметил, всё-таки!

— Чего-чего? — прикинулся я дурачком, — Я детектива и не писал.

Коидзуми улыбался всё шире:

— Так это ещё хуже. Ведь романтическим твой рассказ никак не назовёшь.

Так что же я, по твоему, написал?

— Да просто хвастовство ты написал. Мол, вон я как с красивыми девчонками гуляю...

На первый взгляд, так оно и есть. Но ты-то всё понял, а, Коидзуми? На чём я попался?

— Ну давай по порядку. В этих местах всё стало очевидно. Не заметить было просто нельзя...

Разложив мой черновик, Коидзуми достал ручку и сделал пометки в нескольких местах, вот так: (1). Так что отметки, которые попадались вам раньше, сделаны как раз Коидзуми.

— И всё-таки, великодушный ты человек. Столько подсказок дал! Даже самый бестолковый к четвёртой бы сообразил.

Цыкнув языком, я отвернулся, как ни в чём не бывало. Хотелось полюбоваться на неподвижную Нагато и успокоиться. Глазам-то стало полегче, а вот на уши напал Коидзуми:

— Правда, получается, что соли в рассказе нет. У меня такое предложение. Почему бы не добавить строчку-другую в конец, а? Так сказать, раскрывающую секрет. По-моему, не слишком сложно?

Думаешь, всё-таки нужно объяснение?..

Неприятно слушаться Коидзуми, но похоже, что в этот раз лучше было последовать его совету. Всё-таки, мышление Харухи — его специальность.

Нет, стойте. Чего я вообще волнуюсь за мнение Харухи? Она сама навязала мне этот романтический рассказ, а я просто выполнил бестолковое приказание, как смог — то же и Нагато и Асахина-сан. Если уж ищите виноватых, ругайте Харухи — нечего было без спросу место главного редактора занимать.

Видя, как я таращусь в буквы на поверхности ЖКД-монитора, Коидзуми сдержанно усмехнулся:

— Вот уж не стоит так из-за этого мучаться. К тому же, раз я всё понял, то Судзумия-сан и подавно поймёт. Прежде, чем тебя допрашивать... о-па!

Коидзуми схватился за карман пиджака, откуда донеслось гудение, точно там бился жук.

— Минуточку...

Достав телефон, Коидзуми глянул на экран:

— Кажется, наклюнулись кое-какие делишки. Мне придётся ненадолго уйти. Нет-нет, не бойся, не то, о чём ты думаешь, просто доложить надо кое о чём.

Бросив это на прощание, Коидзуми прошествовал вон из комнаты с улыбкой на лице. Кто знает, может, он-то как раз ушёл встречаться тайком с какой-нибудь школьницей. С его-то ушлым видом! Не удивлюсь, если у него по секрету от нас есть такая вторая, обыкновенная жизнь.

Я остался один на один с погружённой в чтение Нагато.

Нагато даже не поднимала лица. Я думал о чём-нибудь заговорить с ней, но меня всё ещё одолевали сомнения. Писать ли ненужное дополнение?

В полной тишине, сохранив написанное подобие рассказа, я открыл новый текстовый файл. Белое окно возникло на мониторе.

Попробую и посмотрю, что получится. Как сказал Коидзуми, парочки предложений хватит.

Тук-тук-тук, — я застучал по клавишам. Вышло так коротко, что даже проверять было нечего, я сразу отправил текст на печать.

Когда я хорошенько изучил выползший из принтера листок, мне захотелось весь абзац удалить. Не могу я так. Хоть дело давнее, а всё равно стыдно.

Сложив новоявленную последнюю страницу рассказа, я убрал её в карман пиджака.

И в ту же секунду:

— Танигути опять сбежал! Завтра свяжу его, и пускай доделывает! Тебя тоже, Кён. Дописывай быстрее, а то главный редактор разозлится!

...в комнату вбежала Харухи.

И заметила мой черновик, который Коидзуми бросил на столе.

Эй, погоди!

Нисколько не посчитавшись с моим возражением, Харухи молниеносным движением овладела распечаткой. Усевшись за свой стол, она стала не спеша её читать.

Не в силах решить, то ли сдаться, то ли повторить свой протест, я наблюдал за выражением на лице главного редактора, владелицы решающего слова.

Хотя поначалу Харухи ухмылялась, к середине рассказа улыбка с её лица пропала, за несколько страниц сменившись холодностью. Но когда она отложила последний лист, её настроение опять поменялось.

Редкостное зрелище. Харухи была поражена.

— И это всё?

Я скромно кивнул. Нагато ничего не ответила, разглядывая страницу книги. Асахина-сан ушла по делам, Коидзуми придумал какой-то повод и смылся. Раскрыть Харухи лишние подробности было некому.

И вот...

Положив рассказ на стол, Харухи снова повернулась ко мне.

И рассмеялась — точно, как Коидзуми:

— Ну а соль?

— Какая соль? — сделал я глупый вид.

Харухи улыбнулась так кротко, что мурашки по коже:

— Не могло же на этом всё кончиться? Что стало с этой девочкой, Миёкити?

— Не знаю... Может, живёт где-нибудь долго и счастливо...

— Да ладно тебе. Всё ты знаешь.

Одна рука Харухи лежала на командирском столе — она так и перемахнула через него, подскочив ко мне. Я и дёрнуться не успел, как она схватила меня за галстук. Вот балда! Мне же шею давит!

— Хочешь, чтоб я отпустила — говори! Всё говори!

— Что всё-то?! Это рассказ. Выдумка! «Я», который там, это не я, а вымышленный

литературный герой. И Миёкити тоже.

Харухи подтягивала моё лицо всё ближе к себе, сдавливая мою шею всё крепче. Чёрт, скоро я задыхаться начну.

— Меня не проведёшь, — сказала она звонко, — Тебе правдивого рассказа не сочинить, я сразу знала. Я думала, ты услышанное от кого-нибудь перескажешь, рассказ знакомых каких-нибудь. Но этот рассказ, мне ясно, написан по памяти. Твоей.

Глаза Харухи горели огнём.

— Кто такая эта Миёкити? Кто она тебе?!

Галстук сжался до предела, и мне пришлось сознаться:

— Просто знакомая... Домой иногда приходила, ужинали вместе.

— И только-то? Добавить ничего не хочешь?

Я автоматически накрыл рукой карман пиджака. Харухи этого было достаточно:

— Ага-а! Вот ты где окончание рассказа прячешь. А ну отдавай!

Ну и нюх у неё! Не могу не поразиться. Правда, не успел я рот открыть, чтобы поразиться вслух, как Харухи уже напала на меня.

Просунув правую ногу между моих ног, она подсмотренным где-то движением сделала мне прекрасную внутреннюю подножку.

— Ва-а?! — завопил я почём зря.

Овладев моим телом, Харухи повалила меня на пол. Она уселась на мне сверху, как на лошади, и попыталась запустить руку под пиджак. А я пытался сопротивляться.

— Юки, иди помоги! Подержи Кёна за руки!

С этим воплем она принялась стягивать с меня пиджак. Эй, эй, ты вообще всякий стыд потеряла? Ограничься раздеванием Асахины-сан! Извращенка!

— Харухи, хватит!

Я повернулся за помощью к Нагато, но наткнулся на сложный взгляд, в невозмутимости которого чувствовалось сомнение — как же быть?

Нагато сидела перед своим ноутбуком, крышка была открыта.

Когда только успела? Уж ей-то, проникшей на компьютер старосты компьютерного кружка, и переписавшей их программу, украсть содержимое моего ноутбука — проще простого. Значит... она уже всё прочла?

—

Нагато не бросилась никому на помощь, она спокойно сидела и внимательно наблюдала за великой битвой Харухи со мной.

Но тут...

— Здравствуйте, я вернула.... Э-э?!

...появилась Асахина-сан. Как она умудряется так невовремя? Я валялся на спине, а на мне восседала Харухи, решительно меня домогаясь. Что могла подумать Асахина-сан?

— П-простите пожалуйста! Я ничего не видела! Ч-честное слово!... — крикнула она, и убежала, всё превратно истолковав.

— — наблюдала Нагато.

— Ах ты редактора не слушать?! Отдавай! — свирепо ухмылялась Харухи.

Зажатый в положении гард, отбиваясь от рук Харухи, я от всей души взмолился:

Коидзуми, больше мне надеяться не на кого. Пожалуйста, возвращайся скорей.

На последней распечатанной странице, на спрятанном во внутреннем кармане пиджака листочке было написано:

Кстати, Ёсимура Миёко, кличка Миёкити — одноклассница моей сестры, и её лучшая подруга. Тогда она училась в четвёртом классе и ей было десять лет.

И сейчас, и год назад Миёкити выглядела не по годам взрослой — за подругу сестры и не примешь. Росту такого, что не верилось — это она-то мало ест? Что внешность, что чувства на живом лице казались чуть ли не более взрослыми, чем у Асахины-сан. Из-за необычного внешнего вида кассирша и билетёр в кинотеатре, наверное, и не обратили на неё внимания.

А если даже они что и заметили, то остановить не рискнули. В конце концов, она купила билет по цене для старшеклассников, пусть и не показав школьной карточки.

Фильм, на который мы ходили, получил рейтинг PG-12. То есть, до двенадцати лет его можно было смотреть только вместе с родителями. Мне-то не страшно, мне давно было пятнадцать.

Но вот Миёкити... Впрочем, она здраво рассудила, что с виду меньше двенадцати ей никто не даст.

Идти в одиночку она всё-таки не решилась. Родители у неё были довольно строгими, второсортных сплэттер-ужастиков не одобряли, и попроси она сходить на такое кино — устроили бы разнос. Так она мне объяснила.

Но и пригласить из друзей было некого — нашей сестрёнке до сих пор выше третьего класса с виду не дать. Фильм крутили всего три месяца. Опоздаешь — и оценить его больше не сможешь.

И тут ей пришла в голову мысль. Кто может пойти с ней в кино и купить билет без проблем?

Я.

Хвастать нехорошо, но я всегда ладил с маленькими. Наверное, потому, что мои двоюродные братья почти все меня младше, и когда мы собирались вместе в деревне, приходилось за ними приглядывать — вот я и привык.

Разумеется, подружки сестрёнки гостили у нас чуть ли не каждый день. Среди них была и Миёкити, и меня она хорошо знала.

Брат подружки, у которой часто бываешь в гостях, и совершенно незанятой в весенние каникулы человек. Из всего круга друзей четвероклассницы подходящим кандидатом оказался только я.

А потом она решила: раз уж идём в кино, можно сходить и ещё куда-нибудь, куда дети сами не ходят. И она выбрала это кафе. Неудивительно, что официантка тогда улыбалась. Явиться туда в одиночку младшекласснице, при всём её росте, было бы неудобно, да и я был всего лишь девятиклассником и порядком нервничал. Мы с Миёкити в этом кафе... Наверняка, посторонним мы казались просто братом и сестрой.

Теперь Миёкити, или Ёсимура Миёко, учится в пятом, и скоро перейдёт в шестой класс. Ещё лет пять, и она может стать Асахине-сан соперницей!

Конечно, если где-нибудь попадётся Харухи на глаза.

О том, что было дальше.

Альманах доделали в срок. Издавали простенько, печатая на листах А4, и скрепляя большим производственным степлером, но вот содержание... даже с поправкой на своячество можно смело сказать, что получилось весьма качественно.

Особенно хорошим вышел приключенческий рассказ Цуруи-сан. Все, кто читал её задорную миниатюру «Увы! Трагедия паренька N», валялись на полу от смеха. Я сам смеялся до слёз. Надо же, каких только весёлых историй не придумают люди — давно я не испытывал этого чувства. У одной только Нагато не дрогнул ни мускул на лице, когда она читала рассказ, но я могу поверить, что и она перечитала его дома, хихикая — такой потешной и живой была дурашливая комедия Цуруи-сан.

Я и раньше подозревал, а теперь ещё раз убедился — у Цуруи-сан ко всему талант.

Из прочих близких «Бригаде SOS» людей ужасно скучное эссе о повседневной жизни написал Танигути, похожие на сборник «А знаете ли вы, что» учебные колонки — Куникида, а кто-то из кружка манги нарисовал ёнкому[20], так что из-за всей этой Харухиной суеты с просьбами написать и требованиями доделать статьи, альманах раздулся до невероятных размеров, и потратив кучу времени на то, чтобы каждую собранную копию пробить степлером, мы раздали, не вру, все двести сделанных экземпляров в один день. Видимо, бегая и разыскивая, кому бы поручить рассказ, Харухи незаметно для себя альманах ещё и разрекламировала.

Сама Харухи, как и обещала, «тоже написала что-нибудь»: кроме важного редакторского послесловия в альманах попала её короткая статья — нечто под названием «Главное в опасных делах во имя спасения мира — заметка о формулах движения в завтра», полное обозначений и графиков. По словам Харухи, её работа должна была увековечить «Бригаду SOS», но я не понимал в этом тексте ровным счётом ничего. Упорядоченное сумасшествие, иначе и не скажешь — такая бессмыслица, будто всё из Харухиной головы вылилось прямо на лист бумаги...

Но прочитав эту статейку, Асахина-сан вскочила, поражённая:

— Ничего себе... Так вот оно что...

Тёмные зрачки чуть не выплёскивались из широко открытых от изумления глаз. Я спросил, в чём дело, и Асахина-сан ответила:

— Подробно объяснить не могу, это секретная информация...

А предупредив, потом сказала:

— Это самые основы теории кадров времени. В моё время люди... э-э, вроде меня учат их прежде всего. Мне всегда хотелось знать, кто и когда до них додумался... И подумать только, Судзумия-сан...

Дальше она не нашла слов. Я тоже за компанию не стал их искать, а вместо этого мне подумалась вот какая дикая мысль.

Харухи, наверное, заберёт одну копию альманаха домой. И вполне возможно, альманах попадётся на глаза тому мальчишке в очках, который вроде профессора. Харухи же занимается с ним, подтягивает в учёбе. Да, мы с Асахиной-сан подарили малышу-профессору весомую причину взяться за исследования, но похоже, дело не только в этом. Видимо, всё-таки, главная виновница — Харухи. Слишком уж запутано всё иначе получается. Да, число вопросов к Асахине-сан-старшей растёт с каждым днём.

Раздав все копии альманаха в один день, Харухи специально сходила в школьный совет об этом сообщить. Нечего и говорить, что вся она просто сияла гордостью.

Председатель даже бровью не повёл при её вторжении, только сверкнул очками: «Обещал — значит, обещал. Литературный кружок будет сохранён. Однако о существовании „Бригады SOS“ мы с вами ещё поговорим. Не забывайте, что мне ещё долго быть председателем».

С этими откровенно угрожающими словами он отвернулся к стене.

Сочтя это признанием поражения, Харухи ликующе вернулась в клубную комнату, и вместе с Асахиной-сан станцевала перед безразличной Нагато победный танец. Ну и дела.

Во всяком случае, одной нервотрёпкой стало меньше. Теперь можно было спокойно ждать начала полноценной весны.

Если ничего не случится, все мы перейдём в следующий класс. В оставшееся до этого время что-нибудь отчудить Харухи может, пожалуй, только на весенних каникулах.

Что сказать, и коротким, и длинным получился этот год. И знаете, никому не говорите, но один из дней в календаре на апрель у меня обведён кружочком. Тот самый день, когда год назад состоялась церемония посвящения в моей школе.

Пусть все забудут, пусть у самой Харухи вылетит из головы, но я всегда буду помнить эту дату.

День, когда я встретил Харухи, останется в моей памяти на всю жизнь.

Конечно, если память я не потеряю.